Вырезка из газеты
ПРАВДА УКРАИНЫ

г. Киев

6 ДЕК 1980

Т Р У Б А Ч

ИЗ ОБЩЕЖИТИЯ Киевской консерватории вышли и построились в колонну студенты. Команда: «Шагом марш!» — и направились они к военкомату. Там парней разобрали, кого куда. Андрей Гуменюк, трехкурсник оркестрового факультета, оказался среди тех, кто пошел на Полтавщину. За плечом у него покачивалась труба. С этой трубой он ездил к себе в село, где желанным гостем появлялся на танцах в новом клубе, дважды побывал на свадьбах у друзей детства. Играл в паре с гармонистом. С трубой пошел на войну...

У деревни Синявки трубач принял боевое крещение. Бойцы муззвезда выносили с поля боя окровавленных воинов. Как могли, перевязывали им раны, грузили на машины и под огнем врага отправляли в тыл.

Потом была долгая дорога на юг. Однажды на рассвете колонна вошла в станицу Вешенскую. И так захотелось Андрею повидать любимого писателя.

— Уехал наш Михаил Александрович, — сказал старый казак, сидевший на крыльце. — В Москву уехал. Война ведь.

Долго стоял Гуменюк перед домом, откуда вышли в свет Григорий Мелехов, Семен Давыдов, дед Щукарь. А потом попросил старика: разреши хоть одним глазком поглядеть, где работал знаменитый художник слова. Замер, удивившись простоте и скромности кабинета Шолохова. Подумалось: действительно, велик дом не богатым столом, а хозяина умом да его трудом.

Выйдя на дорогу, вновь глянул на усадьбу. Над ней тревожно металась стая голубей.

ПОЛК шел на юг. А добравшись до Арчеды и пополнившись новобранцами, спешно разместился в эшелоне и двинулся на Брянский фронт.

В пути Андрей извлек из чехла трубу и заиграл. И этого было достаточно, чтобы в соседнем вагоне отозвалась гармонь. А вслед запели солдаты.

Понеся пораженне под Москвой, гитлеровцы из кожи вон лезли, чтобы удержать свои позиции. 86-й гвардейский стрелковый полк, в котором служил

Гуменюк, преследовал отступавшего врага.

Памятен бой за деревню Трудки. Рота залегла в чистом поле, ожидая темноты. Ледяная луна гуляла по небу, словно испытывала волю стрелков. Долго всматривался Андрей в спутницу Земли и вспоминал дивные вечера в родной Левковке на Винничине, когда эта же луна была такой доброй, ласковой. И вдруг, будто видит он теплый, мягкий свет на сцене оперной студии. Слово в сказке, появилась любимица консерватории Лариса Руденко, запела романс Полины из «Пи-

ГОДЫ И СУДЬБЫ

ковой дамы». А он, Андрей, — в оркестре. И вот уже слышатся последние слова, страшные, холодные слова — о смерти. Невероятным усилием угасающего сознания прорываает солдат пути предательского сна. Пытается раскатать окоченевшее тело. Несколькими сильных рук мнут его, острым, жгучим снегом растирают лицо. Гуменюк стонет:

— Спасибо, браточки!

Только пришел в себя, зовет его командир взвода. В разведку зовет.

Еще не светало, когда рота поднялась с заснеженного поля, бесшумно пошла к Трудкам. И вот уже, как в кинобоевике, мелькают кадры отчаянных бросков, стычек, схваток. Только это не в кино — в жуткой действительности.

Бой уже догорал, когда Андрей ощутил удар. Он попытался закричать, но губы не двигались. Широко раскрытые глаза внезапно увидели солнце. Необычное, белое, затуманенное...

ПОТОМ было пробуждение. Вернее, возвращение к жизни.

— Трубач будет жить! — услышал Гуменюк. Это был голос хирурга. Шесть кусочков синеватого пористого металла уже бросил он в таз. К сельскому не решился подступить. Сельский засел в виске. — А вот играть на трубе вряд ли сможет.

— Тогда буду петь! — решил Андрей.

Еще не затянулись раны, а он уже пел в госпитальном хоре. «Священная война», «Ой, туманы мои, растуманы». И прямо из души лились слова: «Ой, Днепр, Днепр, ты тещешь влады, и волна твоя, как слеза».

Он добился своего. Его направили в ансамбль песни и пляски 2-го Прибалтийского фронта. Здесь солдата определили в теноровую партию хора.

В подвалах разрушенных домов, в крестьянских избах разучивали они песни борьбы за свободу. А потом концертными бригадами пробивались на передний край — к артиллеристам, танкистам, к пехотинцам. В тесных землянках, в окопах, а где можно было, и на лесных полянках пели они дорожные солдатским сердцам песни.

Вокальное мастерство Гуменюка тронуло художественного руководителя ансамбля Е. С. Пронина. Он поручил новичку выполнять еще и обязанности хормейстера. Здесь, в ансамбле, Андрей познал и могущественную силу хореографического фольклора.

Когда вернулся с войны, поспешил в родное село. А потом — опять в Киев, в заветную консерваторию. Продолжал учиться с солдатским упорством. Музыка, песни Отечественной войны, звавшие к победе света над тьмой, окрыляли Андрея. Он стал глубже проникать мыслью в ту почву, на которой рождалось и расцветало искусство прекрасного.

Хирург тогда не решился подступить к сельскому осколку мины, засевшему в виске. Этот осколок и сегодня часто напоминает о себе исследователю народного хореографии, инструментальной музыки, музыкальных инструментов, автору многих фольклорных сборников, доктору искусствоведения профессору Киевского института культуры имени А. Е. Корнейчука коммунисту Андрею Ивановичу Гуменюку. Недаром у него ослепительно белая голова, словно та заснеженная земля в декабрьскую ночь сорок первого у деревни Трудки.

Е. ДЕСЯТНИК.